

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКА

Интеллектуальная история: метод и перспективы

Межрегиональная конференция

На историческом факультете УрГУ 12—13 мая 2005 г. состоялась научная конференция «Интеллектуальная история: метод и перспективы», в которой приняли участие представители университетов Екатеринбурга, Омска, Перми; в заочной форме — Тамбова и Нижнего Тагила. Конференция прошла в ключе диалога маститых ученых и начинающих исследователей — студентов и аспирантов. Конференции предшествовала интерактивная подготовка. Летом 2004 г. практически во все отделения РОНИ (Российское общество интеллектуальной истории, ИВИ РАН) был отправлен специальный сборник «Интеллектуальная история», подготовленный в качестве основы дискуссии по теоретическим и практическим вопросам интеллектуальной истории¹. Потенциальным участникам конференции был предложен вопросник из пяти пунктов.

По мере поступления заявок на участие доклады размещались на сайте исторического факультета Уральского государственного университета в апреле — мае 2005 г. (www.hist.usu.ru) в сопровождении комментария к поступившим материалам: «Вавилонская башня интеллектуальной истории» за подписью организаторов конференции *В. А. Бабинцева и В. В. Высоковой*.

Авторы комментария констатировали, что убийственная формула Шекспира о расказе, полном шума и ярости, но ничего не значащем, вполне применима к дискурсу интеллектуальной истории в её нынешней отечественной постановке. Научная продукция приверженцев этого поветрия в историографии сводится в эклектичных по своему содержанию сборниках. Эти сборники являют собой некие осколки истории, каждый из которых, в меру творческого вклада пишущего, может быть и звонок, и ярлык, может отличаться научной новизной, но в совокупности они не образуют умопостигаемой целостности, позволяющей осознать искусственно сведенные фрагменты в каком-либо существенном единстве.

Многие искания в области интеллектуальной истории остаются повторением пройденного по причине неудачного выбора объекта исследования. Если таковым делают

¹ *Imagines mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. № 3. Интеллектуальная история. Вып. 1. Екатеринбург, 2004.

идеи, то интеллектуальная история оказывается не более чем историей идей. Если же объектом становятся интеллектуалы, то интеллектуальная история сводится к истории интеллектуалов. Ущербность подобных подходов в знаменитой статье, опубликованной «Анналами» еще в 1960 г., убедительно показал Р. Барт на примере истории литературы, традиционно сводившейся либо к истории произведений, либо к истории авторов. Анализ Барта подсказывает возможность иного подхода, переноса центра тяжести на изучение среды, в которой вызревают идеи и действуют интеллектуалы. При этом под средой следует понимать не окружение интеллектуала, генератора определенных идей, а «нечто более органическое и анонимное», прежде всего — «совокупность мыслительных привычек»².

Всякий новый подход в исторических науках предполагает прежде всего постановку нетрадиционных вопросов к историческому источнику. Обеспечить подобный поворот вполне возможно через призму понятия интеллектуальная культура. Интеллектуальная культура как «совокупность мыслительных привычек» исторически изменчива и прекрасно соотносится с понятием «историческая эпоха». Всякой исторической эпохе соответствует определенное единство материально-вещественной, равно как и интеллектуальной, культуры. В истории человечества можно выделить три великих революции, которые повлекли фундаментальные изменения в интеллектуальной культуре: изобретение письменности, книгопечатание и компьютер. Трудно отрицать принципиальное отличие совокупности мыслительных привычек компьютерной эры от аналогичного комплекса дописьменной эпохи или догутенберговых времен. Однако в ходе истории интеллектуальная культура претерпевала и менее заметные сдвиги, которые могут улавливаться методами семиологического анализа. При этом особую роль следует отвести понятию языка культуры, т. е. способу, посредством которого культура являет себя. Языками интеллектуальной культуры выступают идеи: интеллектуальная культура говорит языком идей — социальных, философских, политических, эстетических, религиозных и т. д.

Целью анализа с точки зрения нового подхода становится не выяснение разницы, противоречий, антагонизмов между различными идейными системами, а осознание этой разницы и этих идейных антагонизмов в их существенном единстве, проистекающем от общности питающей их интеллектуальной культуры. При всем разнообразии и даже антагонизме идей они рождаются, живут и умирают в русле интеллектуальной культуры определенной исторической эпохи. Такой подход, если угодно, можно определить как пост-модернистский.

В отличие от иных наук, теоретической истории пока что не существует. Иное дело теоретические основания исторического исследования: рассуждение о приемах ремесла, выборе объекта исследования и определении принципов подхода к нему имеет сугубо прикладной характер. Историка можно убедить только наглядным применением теоретических выкладок в конкретно-историческом исследовании. В этом и состояла генеральная линия проведенной конференции — определить, прояснить методологические основания направления. Конференция готовилась как методологическая, что предусматривало участие в ней представителей любой специализации.

Многие наши историки искренне полюбили мужественную максиму Б. А. Романова: «Заниматься методологией — это все равно что доить козла». И повторяют ее, успешно обороняясь от соблазна сойти с твердой почвы конкретно-исторической проблематики в

² Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 211—216.

сомнительные дебри теоретизирования. Причем совершенно не принимая во внимание то, что Б. А. Романов отчеканил свою бескомпромиссную фразу в условиях всевластия «единственно верной» теории, когда подобное было не позой, а позицией. Нынешние времена ставят перед нами иные вызовы, и благородная позиция ученого, не желающего оскоромиться «доением козла», девальвируется до позы. А «вечно живое» мстительно усмехается из прошлого...

Социокультурная, цивилизационная история вышла на пик популярности в отечественной историографии в середине 90-х гг. XX в. Сборники «Цивилизации» под руководством В. М. Хачатурян, будучи новаторскими и несомненно интересными, напоминали вавилонскую башню. Авторы говорили на разных языках. Но постепенно выкристаллизовывались такие предметы анализа, как система представлений, интеллектуальный климат эпохи, система ценностей и т. п. Стало ясно, что социокультурные исследования могут проводиться только на основе междисциплинарного подхода, с привлечением методов филологии, литературоведения, психологии и т. д. Интеллектуальная история со всей очевидностью становится общеметодологическим пространством для исследований в области истории культуры. Необходимо, чтобы специалисты в разных областях гуманитарного знания «заговорили» на общем, понятном всем языке.

Авторы направляли в адрес оргкомитета конференции материалы чаще всего по принципу: «Аристотель — интеллектуал античности (Абеляр — Средневековья и т. д.), стало быть, статья о нем — интеллектуальная история». В итоге готовящаяся конференция оказывалась перед перспективой того, что соберутся люди, «говорящие на разных языках», не готовые к попытке осознания упомянутых осколков истории в каком-либо существенном единстве. Дабы не повторить опыт строителей вавилонской башни, оргкомитет сделал все, чтобы направить ход встречи в русло разговора о приемах ремесла.

Пленарное заседание конференции открылось приветствием декана исторического факультета канд. ист. наук *Д. В. Бугрова*. В своем докладе «Социокультурная утопия в интеллектуальной истории: вожделение “другого”» *Д. В. Бугров* проследил изменение роли утопии и антиутопии в историческом контексте ряда периодов. Концептуальным явилось выступление идейного вдохновителя конференции канд. ист. наук *В. А. Бабинцева*. В его докладе был обоснован принцип подхода к интеллектуальной истории через призму понятия «интеллектуальная культура исторической эпохи». На основе анализа серийного источника французского происхождения (бюллетени французского Центра радиотехнического прослушивания, действовавшего под эгидой Министерства информации) докладчик сформулировал ряд особенностей интеллектуальной культуры, общих для идейных антагонистов, сталкивавшихся в радиоэфире весной 1945 г. Обзорный доклад, освещающий основные историографические подходы в изучении интеллектуальной истории, сделала докт. ист. наук *О. С. Поршнева*.

Программа конференции реализовалась в рамках трех секций: «История интеллектуалов» (руководитель докт. ист. наук *В. Н. Земцов*), «История сознания человека» (руководитель канд. ист. наук *В. В. Высокова*), «Социальная история идей» (руководитель докт. ист. наук *О. С. Поршнева*).

В рамках секции **«История интеллектуалов»** были заслушаны следующие доклады. В выступлении проф. *А. Т. Шаикова* «Интеллектуальные маргиналы в России и судьбы их литературного наследия (XVI—XVII вв.)» было проанализировано идейно-литературное наследие известных писателей и публицистов XVI—XVII вв. Максима Грека (в миру Михаила Триволиса), Юрия Крижанича. В сообщении канд. ист. наук *Н. Н. Баранова* «Фридрих Науман: эволюция интеллектуала» была поставлена проблема сложного сочетания в личности одного мыслителя ментальности протестантского пастора, социал-ли-

берального политика и последовательного приверженца имперских начал во внешней политике Германии конца XIX — начала XX в. Доклад канд. ист. наук *В. В. Высоковой* «Человек и судьба: новые подходы в историографических практиках» был посвящен соотношению частного и публичного в повседневной жизни человека, теоретическому осмыслению данной проблематики в рамках новой исторической науки. В докладе канд. ист. наук *М. О. Гузиковой* «Интеллектуалы и власть в Веймарской республике: поиск методологических подходов» были раскрыты особенности интеллектуальной культуры Веймарского периода в истории Германии. Канд. ист. наук *Н. А. Кручинина* показала перспективы методологических подходов интеллектуальной истории на примере темы «Политическая элита Великобритании и социальные реформы начала XX в.». Критическая точка зрения относительно новизны методов интеллектуальной истории прозвучала в выступлении докт. ист. наук *В. Н. Земцова* «Аббат Сьюрюг и французский “миф” о московском пожаре 1812 г.», автор акцентировал важность кропотливой работы с историческим источником. В докладе *Т. В. Краевой* «Христианство и большевизм в интеллектуальных исканиях Пьера Паскаля» была поставлена проблема влияния интеллектуальных импульсов на политический выбор личности в кризисную эпоху. Также были заслушаны доклады *А. В. Попова* «Провинциалы глазами Плиния младшего. К проблеме формирования образа Другого», *А. Н. Старостина* «К вопросу о постисламизме в современном Иране», *А. А. Старцевой* «Интеллектуальная биография Ричарда Пайпса».

Секция «*Социальная история идей*» открыла второй день конференции. Особое внимание участников конференции привлекли доклады канд. ист. наук *С. И. Быковой*, *Д. Б. Вершининой*, канд. ист. наук *Т. П. Нестеровой*. В докладе «“Преодоление прошлого” и “историография уклонения” как интеллектуальные традиции (Германия и современная Россия)» *С. И. Быкова* поставила важный вопрос о модели интеллектуала, характерной для каждой интеллектуальной культуры, и подчеркнула ответственность историка за формирование картины прошлого, что вызвало бурную дискуссию. *Д. Б. Вершинина* в докладе «Феминистские идеи в толковании британских интеллектуалов (XVIII — начало XX в.)» дана характеристика женщин-интеллектуалок и их творческого наследия в эпоху викторианской Англии (Джейн Остин и др.). В докладе *Т. П. Нестеровой* «Итальянские интеллектуалы и фашистский режим» было предложено понятие «духовная автономия», дан анализ взаимодействия интеллектуалов и политического режима в фашистской Италии. В сообщении *Ю. Е. Комлевой* «Применение методов интеллектуальной истории к изучению “имперской идеи” в Священной Римской империи германской нации Нового времени» было подчеркнуто широкое использование «экстернальных» и «интернальных» методов интеллектуальной истории в западной историографии. Следует также отметить доклады *К. Д. Бугрова* «В плену идеи: представления и ожидания российского правого движения начала XX века», *Е. Ю. Грицюк* «Развитие идеи государственности в мусульманском обществе VII—XI вв.», *К. Ю. Еришова* «Россиеведение в США: истоки, этапы развития и современное состояние», *Ю. В. Ракиной* «Японское внешнеполитическое мышление конца XVIII — начала XX в.: трансформация в контексте глобализации».

В работе заключительной секции «*История сознания человека*» внимание участников было сосредоточено на проблеме соотношения сознательного и бессознательного в историческом процессе. В сообщении *М. А. Сосновского* «Интеллектуальная история в контексте социокультурной истории» было рассмотрено современное состояние такого направления, как историческая психология. Канд. ист. наук *А. С. Козлов* в докладе «Historia и семь свободных искусств» показал понимание истории в Средние века как особого литературного жанра, используемого для подтверждения и иллюстрации мыслей. Живой отклик вызвало выступление *С. С. Белякова* «Ф. М. и А. Г. Достоевские в зеркале быто-

вого национализма: по материалам дневника А. Г. Достоевской». В докладе канд. ист. наук *Г. А. Мухиной* «Истоки и черты шатобриановского романтизма» показано определяющее влияние основных интеллектуальных тенденций на формирование личной позиции мыслителя. *А. Ю. Ануфриева* привлекла внимание к феномену религиозного сознания в свете интеллектуальной истории. Также были заслушаны доклады *И. Н. Абатурова* «Аристократические представления высшей знати России и Великобритании 60-х — начала 70-х гг. XVIII в.», *О. В. Сенной* «Король Великобритании Георг III — человек и государь», *М. Ю. Чепуриной* «Французское вольнодумство XVIII века: в плену интеллектуальной культуры эпохи» и *М. В. Щелконоговой* «Конфессиональные противоречия в английском обществе во второй половине XVI — начале XVII в.: истоки и пути формирования».

Основной вопрос, стимулировавший дискуссию в ходе конференции, был связан с терминологической интерпретацией понятия «интеллектуальная история». Оформилось две точки зрения. Первая свелась к риторическому вопросу: может ли история вообще быть не интеллектуальной? Ряд участников выразили убежденность в том, что история интеллектуалов, история религиозных идей, история общественной мысли были и остаются традиционными для отечественной историографии (*Н. Н. Баранов, В. Н. Земцов, А. Т. Шапков*). Вторая позиция сводилась к обоснованию новизны, необходимости очертить «территорию» интеллектуальной истории. Здесь мнения также разделились. Одни проявили склонность рассматривать «интеллектуальную историю» как новую историографическую практику, которую определяли как «современное историографическое и методологическое направление» (*О. С. Поршинева*), другие — как метод реконструкции «объективного исторического процесса модификации интеллектуальной культуры» (*В. А. Бабинцев*). Дискуссия была чрезвычайно плодотворной и способствовала сближению позиций представителей разных подходов в понимании интеллектуальной истории.

Квинтэссенцией конференции стал круглый стол под одноименным названием «Интеллектуальная история: метод и перспективы». В качестве положительных достижений конференции было обозначено следующее:

- 1) признание перспективности изучения проблем исторического знания в контексте интеллектуальной истории;
- 2) необходимость переноса центра тяжести исследований на разработку таких понятий интеллектуальной истории, как духовная автономия личности, интеллектуальная культура эпохи и др.

По итогам конференции решено издать специальный выпуск альманаха исследований всеобщей истории XVI—XX вв. «Imagines Mundi» серии «Интеллектуальная история». Актуальной стала подготовка следующей (второй) екатеринбургской конференции: «Интеллектуальная культура исторической эпохи», предполагающей секции: «Интеллектуальная культура Средневековья», «Интеллектуальная культура России, Запада и Востока XVII—XIX вв.», «Интеллектуальная культура XX в.».

В. В. Высокова, Т. В. Краева